DOI: 10.17976/jpps/2016.06.06

ТИПОЛОГИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ “БОЛЬШОЙ ТЕОРИИ”

И.С. Семененко, В.В. Лапкин, В.И. Пантин

СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна, доктор политических наук, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). Для связи с автором: isemenenko@mail.ru; **ЛАПКИН Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).** Для связи с автором: vvlh@politstudies.ru; **ПАНТИН Владимир Игоревич, доктор философских наук, зав. отделом ЦСЭПИ Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).** Для связи с автором: v.pantin@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 22.08.2016. Принята к печати: 31.08.2016

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00021 “Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)”) в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Аннотация. В статье формулируется понятие этнополитического конфликта, оцениваются проблемы типологизации таких конфликтов. На основе сравнительного анализа кейсов этноконфликтных противостояний в разных странах и регионах мира, отобранных путем экспертных оценок, разработаны типология факторов конфликтности и категориальный аппарат, позволяющий классифицировать эти противостояния, обосновать и систематизировать параметры актуализации и интенсификации такой конфликтности, выявить эффективные механизмы ее регулирования. Выделены три вида этнополитических конфликтов – политико-территориальные, политико-институциональные и политико-управленческие, аргументированы методологические основания авторской классификации. Рассмотрены конкретные кейсы этнополитической напряженности, приоритетное внимание уделено конфликтности на постсоветском пространстве. Сравнительный качественный анализ представительного ряда таких кейсов позволил определить методологические ограничения, встающие на пути к “большой теории”, которые связаны как с природой этнополитической конфликтности, так и с характером научного дискурса. Обоснован вывод о применимости теории “среднего уровня” для разработки методов достижения межэтнического согласия и прогнозирования перспектив развития современных поликультурных обществ. Наиболее перспективным с точки зрения продвижения гражданско-правовых практик регулирования конфликтности является, как аргументируют авторы, перевод конфликта из плоскости столкновения идентичностей в плоскость противостояния интересов с перспективой институционализации процессов их согласования. Мерилом эффективности регулирования в этом случае служит деполитизация этничности, которая может быть обеспечена социальной политикой государства и включением в повестку дня гражданского общества интересов, продвигаемых от имени этнических групп, позитивным совмещением гражданской и этнической идентичности на основе “согласия на развитие” как ключевого ориентира политики идентичности вовлеченных в межэтнические взаимодействия субъектов.

Ключевые слова: этнополитический конфликт; межэтническая напряженность; нация; этничность; этническая идентичность; политическое сообщество; политизация этничности; регулирование конфликтности; “согласие на развитие”.

В современном мире "этнический фактор" все чаще становится объектом целенаправленных усилий участников политического процесса, рассматривающих этничность как важный мобилизационный ресурс публичной политики. Вместе с тем изучение соответствующей политической практики в контексте этнополитической конфликтологии, как показано целым рядом авторитетных исследователей [Horowitz 1985; Gurr 1993; Авксентьев 2001; Аклаев 2008; Cordell, Wollf 2009; Тишков, Шабаев 2011], выявляет неэффективность одномерных подходов к анализу всего комплекса взаимодействий, поддерживающих "живую ткань" современной политики. Сложность феномена заставляет искать комплексные объяснительные модели; потребность в этом тем более актуальна в условиях эскалации конфликтов, стороны которых апеллируют к "этническим различиям".

В существенной степени проблема связана с тем, что проявляющиеся в этническом контексте культурные различия могут использоваться и как ключевой ресурс развития полиэтничного социума, интегрируемого поверх этих различий в политическое тело нации, и как инструмент его дестабилизации, источник противостояний и размежеваний, угрожающих государственному единству и целостности национального сообщества. В первом случае эти процессы вписываются в русло "нормальных", т.е. признаваемых в обществе культурной нормой отношений между носителями различных социокультурных, в том числе и этнических идентичностей. Такие взаимодействия могут быть подкреплены целенаправленными усилиями в области публичной политики и институционализацией права интегрируемых нацией сообществ на сосуществование в условиях культурного многообразия. Во втором случае речь идет, как правило, о последствиях целенаправленных усилий по политизации этничности. Эти действия участников политического процесса преследуют конкретные политические интересы под видом защиты "ущемленных" групп, консолидация которых выстраивается вокруг дискурса этничности. В итоге на этой этнически окрашенной основе формируются политические сообщества, которые могут в дальнейшем выступать в качестве самостоятельных субъектов политического процесса в борьбе за перераспределение ресурсов развития и властных полномочий. Этнополитический конфликт оказывается одним из ключевых системных факторов трансформаций современного миропорядка [Политические изменения... 2014; Этносоциокультурный конфликт... 2014].

Проблемы типологизации этнополитической конфликтности в современном мире: методологические ограничения

Независимо от состояния межэтнических отношений в сообществе этничность остается для его членов значимым ориентиром социальной и культурной идентичности. Это важный наглядный "репер", соотнесение с которым резко повышает эффективность политической мобилизации в ситуации латентной конфликтности в обществе. Самые чувствительные вопросы социально-политических взаимодействий легко перерастают в открытый конфликт при готовности общества и его элит к использованию в политическом целедостижении социальных и культурных различий, которые принято связывать с этнической принадлежностью. Между тем механизмы появления межэтнических напряжений и их перерастания в конфликт редко попадают в поле зрения политической теории, оставаясь уделом ситуативного анализа. Но даже когда эти процессы и их механизмы становятся предметом теоретических обобщений, умозрительные концептуальные построения не позволяют представить сколько-нибудь исчерпывающее объяснение происходящего. Разрывы между эмпирическим анализом и теоретическими моделями становятся тем более очевидными.

Как отмечает авторитетный теоретик межэтнической конфликтности Дональд Горовиц, разрабатывающий подходы к анализу структурных компонент и стратегий межэтнической конфликтности, оценке возможностей их регулирования и прогнозирования, центральным для всех исследований в этой сфере является "изучение оснований верности этносу, взаимоотношений эмоций и расчета, а также важности институционального контекста" [Горовиц 2007: 36-37]. Любая теория, претендующая на осмысление природы таких противостояний и перспектив их регулирования, не может не учитывать психологическую составляющую, не принимаемую во внимание в рамках теории рационального выбора. Констатируя неудачу предшествовавших попыток создания общей концепции этнического конфликта и безосновательность притязаний на обоснование единственно верного подхода к ее формированию, он резюмирует: "Очевидна необходимость теории, в рамках которой станет возможным гармоничное объяснение различных проявлений этноконфликтного поведения" и становление на этой основе "интегрального знания" [там же]. Речь, по сути, идет о такой аналитической модели, которую "можно применить к конкретным конфликтным ситуациям и которая не завязана на тот или иной устоявшийся теоретический подход", диктующий жесткий выбор параметров анализа [Cordell, Wollf 2009: 2].

"Общим знаменателем" для оценки этноконфликтного поведения как на межличностном, так и на межгрупповом уровнях, является *концепт идентичности*. С его помощью, – выходя за рамки рационально понимаемых интересов, – появляется возможность отразить мотивацию сторон, в противостоянии которых межэтническая напряженность перерастает в конфликт. Практически любой межэтнический конфликт надындивидуального уровня имеет перспективу стать политическим, поскольку для его регулирования требуются политические решения. А это предполагает вовлеченность государства и его институтов как субъектов политико-правовых отношений, часто – в качестве участника асимметричного конфликта, в котором активной стороной противостояния является мобилизованное посредством дискурса этничности сообщество. В конфликтах надындивидуального уровня, разновидностью которых является *этнополитический конфликт*, сторонами выступают субъекты политического процесса – носители коллективных идентичностей, которые преследуют противостоящие групповые интересы.

Этнополитический конфликт – противостояние, в котором ресурсом политической мобилизации выступает этническая идентичность и ее значимые для консолидации участников конфликта проекции (этноконфессиональная, этнолингвистическая, этнотерриториальная, этнокультурная), маркирующие границы этнической общности. Дискурс этничности и символические формы ее репрезентации используются сторонами или одной из сторон конфликта в политических целях, в борьбе за политический статус и другие материальные и нематериальные ресурсы. Политическое использование этнической идентичности является ключевой сущностной характеристикой такого конфликта, а возобновляемый характер этого ресурса и высокая степень эмоциональной наполненности затрудняет его систематическое и эффективное регулирование и локализацию противостояния в рамках конституционно-правового поля.

Этнизация политики происходит и в странах незападного ареала, и в недавно еще "спокойной" Европе, в том числе под давлением волны иммиграции. "Денационализация Европы" предлагается в этих условиях в качестве решения проблемы: культурные скрепы, к которым обращается этническое самосознание, должны уступить место скрепам сугубо политическим [Альтерматт

2000]. На такую перспективу работает, например, модель "конституционного патриотизма", предложенная Юргеном Хабермасом [Хабермас 2005: 31]. Однако она не решает проблемы "идентификационной и мотивационной силы чисто универсалистских притязаний на значимость" [там же] и не обладает той мощью эмоционального воздействия, которая отличает представления солидаризирующихся в рамках этнической группы людей о значении для их идентичности общей культуры и общей исторической памяти.

Утвердившийся в политической конфликтологии подход к осмыслению этнополитического конфликта как практики целеориентированного использования этнических различий в качестве средства политической мобилизации, конфликта, в котором этническая группа выступает в качестве политического субъекта и является одной из его сторон [Аклаев 2008: 25], оставляет не проясненным вопрос о природе этничности. Этнос имплицитно наделяется не свойственными ему атрибутами политического сообщества; в этом явственно проявляется предыстория формирования западноевропейских наций на основе этнически консолидированных сообществ.

Теоретическая непроясненность этих актуальных вопросов социальной и политической практики сохраняется в том числе потому, что общего научного дискурса вокруг междисциплинарной проблемы изучения этничности в социальных науках до сих пор не сложилось. Для упрощающей ясности аргументы, к которым прибегают участники научной дискуссии, зачастую абсолютизируются. Сказываются и идеологические позиции политических игроков, во многом задающие здесь повестку дня. Политкорректный подход использует в качестве маркера противостоящих сообществ какой-либо из их отличительных признаков, позволяющих обойти вопросы этничности: обычно в таком качестве используется язык. Так, проживающих в Италии немцев, ладинов, сардов или словенцев в итальянском публичном дискурсе традиционно именуют "языковыми меньшинствами" (*minoranze linguistiche*).

Эти сложности неудивительны: само понятие этничности – далеко не однозначное, согласия о природе этничности в научном сообществе нет. В контексте трактовки этничности как основы "мы-образа" группы "понятие 'мы' крайне ситуативно и иерархично" и зависит от "доступных индивиду коллективных принадлежностей и коалиций" [Тишков 1997: 23], а сама эта трактовка определяется политико-институциональными и социокультурными особенностями среды формирования таких групповых паттернов. При этом "вопрос о сущности этноса, о самом феномене этничности" остается "основной теоретико-методологической проблемой современной этнической конфликтологии" [Авксентьев 2001].

Для целей настоящего исследования значимо то, что консолидация этнического сообщества обеспечивается наличием общих идентифицирующих оснований межличностной коммуникации, поддерживающих его целостность, его образ и историческое бытие: территории, языка, конфессии, социальных институтов и бытовой культуры, общей исторической памяти[1]. Это своего рода

[1] Территория, а в узком смысле – вмещающий ландшафт, в совокупности с традиционным образом существования в нем сообщества, обеспечивает воспроизводство этноса, его историческое бытие. Язык общения этнической группы поддерживает и синхронизирует взаимодействие этноса как целого. Доминирующая конфессия выступает смыслообразующей основой жизненного уклада этноса. Бытовая культура формирует благоприятную среду для всего многообразия коммуникаций этнической группы, интеграции этноса в единое целое, в ансамбль. Историческая память, запечатленная в культуре и традиции этноса, – особенно значимое основание мобилизации в ситуации переживания культурной травмы.

"материализованные" проекции этничности, создающие в разных сочетаниях образ "мы-сообщества". На основе "осознания принадлежности к этнической группе, эмоционально окрашенного 'образа мы' и этнических интересов формируется этническая идентичность"; она поддерживается благодаря механизмам социального конструирования, усвоению человеком в процессе социализации существующих в обществе этнических различений [Дробижева 2011: 130]. Совокупность субъективно осознаваемых членами сообщества культурных признаков обеспечивает жизнеспособность сообщества, воспроизводство фундаментальных элементов его жизненного уклада. Эта совокупность признаков и наделяет – в глазах "других" – такое сообщество социальной субъектностью[2].

Оценка природы этнополитической конфликтности во многом определяется методологическим инструментарием конкретной области исследований и позицией исследователя. Не утихают споры сторонников различных подходов, акцентирующих те или иные пути формирования такой конфликтности: примордиалистского (сформирован изначально стихийными процессами этногенеза), конструктивистского (формируется процессами социальной дифференциации) и инструменталистского (формируется политически в ходе борьбы за ресурсы). На фоне этих споров все настойчивее звучат призывы интегрировать элементы разных подходов, однако аргументированной модели такого синтеза пока нет [см. Колосов 1998]. Очевидно, что ни один отдельно взятый нарратив не исчерпывает разнообразия сущностных характеристик этнополитической конфликтности. Сами эти характеристики ситуативны и изменчивы, как многомерны и изменчивы причины политических конфликтов. Ситуативность, случайность и протест, рассмотренные в качестве "родовых" характеристик современного политического процесса, переводят "конфликтную политику" [Tilly, Tarrow 2006] в разряд явлений, которые мало поддаются достоверному прогнозированию средствами современного знания. На первый взгляд, в пользу ее непредсказуемости говорят учащающиеся эксцессы террористической активности в разных регионах мира, в "глубоко разделенных" обществах с фрагментированной политической культурой. На деле изменчивость и ситуативность конфликтности представляет системный вызов для политической теории: потребность в теоретических моделях для объяснения этноконфликтного поведения остается неудовлетворенной.

Действительно, "любая типологизация условна": за этническим конфликтом стоит комплекс разных мотиваций, интересов и их ситуативных сочетаний, поэтому понять и объяснить основания конфликтов "нельзя, исходя из одной теории" [Дробижева 2003: 50-51]. При этом сложность и многофакторная природа политической конфликтности [Глухова 2010; Никовская 2012] не означают принципиальной невозможности построения теоретико-методологических моделей для их объяснения и нахождения эффективных путей предотвращения или регулирования. Поэтому, давая оценку на конкретный момент противостояния, мы особое внимание уделяем фиксации вектора конфликтной динамики. Данный подход лежит в общем русле анализа системных социально-политических трансформаций в современном мире. В контекст таких трансформаций "органично" вписывается использование этническо-

[2] Отметим особо, что в случае, когда этнически консолидированное сообщество демонстрирует способность к политическому целеполаганию, речь, по нашему мнению, должна идти не о политической субъектности этноса, а о перспективе формирования на этнической основе политической протонации и продвижении нового проекта нациестроительства.

го ресурса в целях перераспределения властных полномочий с ориентацией в конечном счете на пересмотр территориальных и институциональных оснований государственного устройства и миропорядка в целом.

ПАРАМЕТРЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ. КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПОВ И АТРИБУТИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ КОНФЛИКТНОСТИ

Центральная задача нашего исследования – путем качественного анализа массива эмпирических данных *разработать и обосновать типологизацию этнополитических конфликтов путем выявления ключевых для данного конфликта факторов напряженности*. Траекторию конфликтности определяет динамическое сочетание действия таких факторов. Поэтому типология не может быть "жесткой", она должна вмещать ситуативную составляющую и подыматься над "одномерностью". Разработка типологии факторов конфликтности и категориального аппарата ее классификации осуществлялась путем анализа 27 кейсов межэтнической конфликтности, отобранных путем экспертных оценок[3], и соотнесения полученных данных с обоснованными в литературе подходами, которые исходят из осмысления причинных (каузальных) взаимосвязей в развитии этноконфликтных ситуаций.

Типология этнополитической конфликтности "по определению" ориентирована на выявление и классификацию конфликтов, имеющих явно выраженную политическую составляющую. Это – конфликты, в основе которых лежат требования изменения территориального или институционального строя государства, перераспределения управленческих полномочий и ресурсов социального развития. Но одновременно они олицетворяют борьбу за признание политических прав сообщества, за утверждение оснований его коллективной идентичности, права на особость и на ее поддержку на уровне государственных институтов. В этих требованиях "материализуются" притязания наиболее активной стороны конфликта, *de facto* настаивающей на нарушении существующего политического *status quo*, перераспределении в свою пользу ресурсов развития общества. В качестве основания типологизации этнополитических противостояний авторами выбраны цели и притязания активной стороны – инициатора конфликта. Этот выбор мотивирован еще и тем, что в отличие от существующих классификаций такой конфликтности – по затронутым конфликтом сферам общественной жизни, по объектам противостояний, по уровням и по субъектам конфликтности, особенностям ее динамики и степени локализации [см. Тишков 2012: 634] – акцент перенесен на *особенности политического целеполагания сторон конфликта*. В ходе исследования были определены три основных типа таких конфликтов, располагающихся, по мере качественного роста политических притязаний активной стороны, в следующем порядке: *политико-управленческий конфликт* (ПУ), *политико-институциональный конфликт* (ПИ), *политико-территориальный конфликт* (ПТ).

[3] В экспертный пул входили специалисты по конкретным странам и регионам, как российские, так и зарубежные; обобщения сделаны по итогам подготовки обзорных материалов по конкретным кейсам и их обсуждений на рабочих семинарах авторского коллектива исследовательского проекта "Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)", а также ряда экспертных интервью. Кроме того, были привлечены материалы экспертных центров, находящиеся в открытом доступе (об этих центрах см. [Харитонова 2016]), индексы оценки межнациональной напряженности и сопряженных показателей [см. Садовая, Бардин, Довбыш 2016], массивы данных Сети мониторинга по предотвращению и раннему предупреждению конфликтов *EAWARN* и результаты опросов общественного мнения по проблемам межэтнической напряженности (*Eurobarometer, Pew Research Centre, Ipsos*).

Политико-управленческий конфликт. Конфликтное противостояние в этом случае выстраивается относительно приоритетов политики государства в сфере перераспределения ресурсов между составляющими его сообществами, в том числе – этнотерриториальными, а также – характера участия этих сообществ в управлении общенациональными ресурсами. Вместе с тем в этом случае речь не идет о территориальных претензиях или о принципиальном неприятии существующих институтов политического представительства и политической системы в целом. Более того, есть согласие сторон по поводу конституционно-правового и политико-территориального устройства государства. В большинстве случаев такой конфликт характерен для государств, "имеющих историю", для сложившихся и исторически утвердившихся государственных сообществ или сообществ, чье "право на историю" не подвергается сомнению на государственном уровне (см. табл. 1). Конфликт здесь обусловлен устоявшимся и исторически закрепленным в рамках данной территории и государственности совместным проживанием нескольких устойчивых этнонациональных или иных сообществ, в том числе идентифицирующих себя по земляческому принципу, т.е. как неэтническая протонация. В его основе – борьба за преференции в государственной политике перераспределения ресурсов, за изменение инвестиционной и налоговой политики, политики в сферах религии, культуры, языка, исторической памяти, интеграции мигрантов, регулирования межплеменных отношений, за пересмотр приоритетов публичной политики (*public policies*) в пользу поддержки меньшинств и признания статуса и особых прав сообществ, консолидирующихся на основе этнической идентичности.

Политико-институциональный конфликт. Ключевая особенность этого типа конфликта в том, что, хотя его стороны не оспаривают территориальную целостность государства, активная сторона конфликта не удовлетворена качеством политического представительства и функционированием политико-институциональной машины государства. В повестку политической борьбы встает вопрос об изменении конституционно-правового строя государства, об автономизации, федерализации и иных формах "властного участия" (*power sharing*). Развитие конфликта при несрабатывании политико-правовых механизмов институциональной трансформации может привести к изменению его типа, перерастанию *политико-институционального* конфликта в *политико-территориальный*. Характерно, что в подавляющем большинстве отобранных нами случаев этот тип конфликта присущ тем странам и регионам (см. табл. 1), где современное национально-территориальное конструирование и конституирование государственности было навязано местным сообществам без учета реальной природы исторически сложившейся на этой территории государственности. Это, в частности, страны, возникшие на руинах больших империй, ряд очагов конфликтности возник при расчленении Югославии, один кейс – Квебек – сформировался по итогам распада Британской империи. Иными словами, такой тип конфликта возникает, когда заложенное в основу государственности конституционное устройство игнорирует или в недостаточной степени сглаживает (компенсирует) фундаментальную социальную и этнокультурную неоднородность формирующейся в конституционных рамках нации и тем самым систематически провоцирует и нагнетает политизацию сохраняющихся межэтнических противоречий в обществе.

Политико-территориальный конфликт. Этот тип характеризует наиболее драматические конфликты, когда политические и социально-экономические

разногласия сторон актуализируют потребность в территориальных изменениях, на которых настаивает хотя бы одна из его сторон. Генерируемые в результате импульсы политической мобилизации формируют протоструктуры альтернативной государственности (в условных сценарных рамках сецессии или ирредентизма). Конфликты этого типа нередко развиваются с применением военной силы. Эскалация придает таким противостояниям трансграничный (международный) характер. В XX в. в условиях формально-правового международного режима, скрепляющего сообщество национально-территориальных государств, такая альтернатива, бросающая *de facto* вызов существующему миропорядку, вынуждена была опираться, по преимуществу, на ресурсы этнонациональной консолидации. В последние десятилетия наметились принципиальные отклонения от этого тренда, анализ которых требует серьезных дополнительных исследовательских усилий: об этом свидетельствует природа некоторых постсоветских политико-территориальных конфликтов, где в противостояние вовлечена Россия [см. Лапкин 2016], а также – некоторых казусов, сформировавшихся в рамках Западной Европы, таких, например, как Шотландия или Каталония (так наз. *новый национализм*).

Факторы актуализации этнополитической конфликтности

Множественность и динамический характер проявления факторов конфликтности обуславливают необходимость выделения из их совокупности ключевых (атрибутирующих), наиболее значимых на момент экспертной оценки. Рассматривая проблему ограничивающего или отсекающего критерия при отборе существенных факторов актуализации конфликтности, следует еще раз внимательно отнестись к тем областям особой чувствительности этнического самосознания, которые маркированы языком, культурой, религией этнического сообщества, его исторической памятью, традиционным образом жизни и пр. Именно ситуация в этих областях способна критически повлиять на характер и динамику развития исследуемого класса конфликтов. В настоящее время, исходя из проанализированного массива кейсов, можно выделить в ряду ключевых: фактор исторической памяти; фактор диспропорций в экономическом развитии и четко выраженных социальных дисбалансов; культурно-лингвистический фактор; фактор межэтнических (этноплеменных, межклановых) противоречий; фактор религиозных (межконфессиональных) противоречий; внешнеполитический фактор. Тем не менее при анализе конкретных кейсов, особенно в их динамике, следует принимать во внимание и ряд иных факторов, значение которых усиливается тем, что они зачастую проявляются на международно-политическом уровне, оказывая существенное влияние на глобальную политическую повестку дня.

Фактор исторической памяти (ИП). Актуализация этого фактора в сегодняшнюю эпоху информационных войн и борьбы за монополизацию рынка информационного кодирования массового потребителя и массового избирателя неслучайна. Историческая память остается базовым элементом поведенческих мотиваций людей в их гражданской и политико-идейной ипостаси. С ней сопрягаются и патриотическое чувство, и самоидентификация человека в общественно-политической сфере. Человек как часть большого сообщества и как ответственный индивид устойчиво ориентирован на ключевые паттерны исторического в*и*дения своей страны, ее окружения и мира в целом. Наряду с этим историческая память в современных условиях все чаще выступает

в качестве фактора, ключевым образом определяющего динамику конфликтности (см. табл. 1). Именно целенаправленная реконструкция и "ребрендинг" национальной и мировой истории в целях политического использования исторической памяти общества (в том числе – при активной эксплуатации средств символической политики [Малинова 2012; 2015]) становятся сегодня важнейшим инструментом политики глобального управления и практик нациестроительства. На постсоветском пространстве наиболее характерны примеры стран Балтии и Украины. Благодатную почву для этого создают тренды последних десятилетий (особенно последствия распада социалистического блока в Европе), когда государственную субъектность обрели (или возродили) народы, ранее лишенные возможности оспаривать общераспространенную версию (версии) истории в редакции "великих держав" и прежних имперских метрополий (Речи Посполитой, Австро-Венгерской, Германской и Российской империй). Политизация исторической памяти, особенно посредством спекулятивного использования опыта пережитой сообществом коллективной травмы, сопряжена с большими рисками для исторического сознания общества. Более того, этот фактор представляется одним из наиболее критичных с точки зрения перспектив миропорядка, основанного на сообществе суверенных национально-территориальных государств, нерушимость и легитимность которого до последнего времени обеспечивалась именно за счет согласованности и непротиворечивости исторической памяти держав-гарантов. Отказ от прежде представлявшихся незыблемыми принципов, от консенсуса в вопросах исторической памяти представляется ясным симптомом кризиса прежнего миропорядка. Стороны этнополитического конфликта, переходящие в этом вопросе на бескомпромиссные позиции, как правило, резко поднимают градус противостояния и, более того, вовлекают в него ведущих глобальных игроков. Тем самым расшатывается существующий между этими последними консенсус по многим болезненным вопросам исторической памяти современной цивилизации. В результате в большинстве таких случаев появляется новая "точка напряжения" на карте мира, новый очаг геополитического противостояния.

Фактор диспропорций в экономическом развитии и четко выраженных социальных дисбалансов (ДСД). Этот фактор обусловлен противостоянием экономических интересов сторон конфликта. Борьба сторон лежит в сфере политики, но они апеллируют к этнической мотивации для объяснения экономического отставания и социальных проблем сообщества, выступающего активной стороной конфликта. Зачастую такое отставание является следствием *социальной и политической дискриминации* со стороны центральной власти по отношению к этническим меньшинствам. Отголоски прошлой дискриминации сказываются на нынешнем уровне развития национально-территориальных образований в составе национального государства. Демократический режим стимулирует целенаправленные усилия институтов власти по преодолению таких диспропорций (как, например, в случае Северной Ирландии) с помощью механизмов политического регулирования и экономического перераспределения. Если у государства нет достаточных ресурсов для реализации такой политики или / и нет политической воли, апелляция "этнических антрепренеров" к социальной дискриминации и экономическому неравенству оказывается по существу беспроигрышной. Следует особо отметить, что в развитых странах, где административно-территориальное деление в той или иной мере опирается на автохтонные культурно отличные от

большинства сообщества (Бельгия, Канада, Великобритания, Испания и др.), фактор экономических диспропорций сегодня работает и в противоположном направлении: более высокий уровень экономического развития стимулирует автономистские и сепаратистские настроения. Волна такого *"нового национализма"* поднимается в странах с развитыми институтами гражданского общества и относительно высоким уровнем социального благосостояния.

Культурно-лингвистический фактор (КЛ) – один из важнейших факторов этнополитической конфликтности, характеризующий качество социальной среды конфликта, глубинный потенциал его эскалации или сдерживания. Язык и культурные маркеры, с которыми отождествляет себя сообщество, остаются важнейшими ресурсами социальной и политической консолидации, средством мобилизации и, вместе с тем, возможной основой консенсуса и компромисса между противоборствующими сторонами. Локальные сообщества с их помощью решают задачи сохранения собственной субъектности, политического влияния и статуса, используя инструменты символической политики. Следует отметить, что конфликтность по вопросам политики в области языка и культуры развивается сегодня на фоне устремлений глобального политического мэйнстрима к их унификации и стандартизации (впрочем, проблема эта, можно сказать, вечная; достаточно вспомнить библейский сюжет о строителях Вавилонской башни и о попытках воплотить идеал общества, где "один язык и одно наречие"). Методы и практики политического инжиниринга переносятся в сферу языка и культуры, которые также становятся объектами целенаправленного (ре-)конструирования. Такие практики в перспективе могут вести к весьма разрушительным последствиям для способности общества к политической самоорганизации и диалогу с инакомыслящими и культурно иными. Вместе с тем в эффективно институционализованных демократиях усилия по поддержке "малых культур" способствуют плюрализации общества и служат значимым фактором консолидации (в том числе и политической) локальных сообществ в рамках общенационального культурного, языкового и политического пространства. В целом же вопрос о пределах культурного разнообразия и о ресурсном потенциале политики идентичности остается одним из ключевых в современных поликультурных обществах [Семененко 2016: 21].

Фактор межэтнических (этноплеменных, межклановых) противоречий (МЭП) характерен для конфликтных ситуаций с участием немодернизированных сообществ, плохо интегрируемых в современное глобализованное пространство. В развитии и интенсификации таких конфликтов и в выработке путей их урегулирования важную роль играют кланово-племенные элиты. Как правило, хорошо интегрированные в "мировую элиту", они в то же время имеют надежный арсенал специфических (апеллирующих к обычному праву, традиции и ценностям примордиальной культуры) средств контроля над соплеменниками. В большинстве случаев такой конфликт – это конфликт традиционалистского сознания с продвигаемыми извне императивами современного государственного правопорядка, культурными и поведенческими нормами, разрушительными для сложившихся институтов и культуры. Его усугубляет слабая адаптация навязанных институциональных форматов к потребностям в особом представительстве интересов этноплеменных и клановых сообществ, в сохранении за ними традиционных территорий расселения и формирующего традиционный этнос вмещающего ландшафта. При этом конфликтность между племенами

и кланами, с одной стороны, и центральным правительством, с другой, осложнена спорадически возникающими разногласиями между союзными племенами и кланами, особенно в период правительственных кризисов. Значение этого фактора стремительно сокращается по мере консолидации демократического режима в стране. Напротив, его осязаемое наличие свидетельствует, как, например, в случае Киргизии или стран Магриба, о существенных проблемах в процессе модернизации и продвижения демократии.

Фактор религиозных (межконфессиональных) противоречий, религиозного фундаментализма (РМП) стоит особо в ряду факторов актуализации межэтнической напряженности. Его действие связано с вовлечением в политический процесс ресурсов отнюдь не этнической и даже не национальной природы; оно направлено не столько на эскалацию этнополитической конфликтности, сколько на политизацию противостояния цивилизаций и культур путем апелляции к жизненно значимым для человека религиозным ценностям. Влияние этого фактора на процессы этнополитической конфликтности можно рассматривать скорее как "опосредованное". Но этого влияния бывает достаточно для повышения эмоционального градуса конфликтности до "горячего" и даже "обжигающего" состояния, зачастую до открытого вооруженного противостояния и в буквальном смысле "войны цивилизаций". Наибольшую остроту, как свидетельствует практика последних лет, фактор религиозных (межконфессиональных) противоречий приобретает в тех конфликтах, где хотя бы одной из сторон является то или иное исламское сообщество. В мире ислама, в силу активности исламского общества в нынешней фазе его "универсалистско-негражданской трансформации" [см. Лапкин 2012] и демографического перехода, именно этот фактор сегодня имеет зачастую решающее значение. Можно привести лишь весьма немногочисленные инородные случаи такой конфликтности, например, длящийся многие десятилетия конфликт между католической и протестантской общинами в британском Ольстере или гонения на православные общины в Украине в контексте националистической революции 2014-2016 гг. (см. табл. 1). Особо отметим, что межрелигиозные и межконфессиональные противоречия зачастую приобретают форму противостояния фундаменталистски настроенных политизированных группировок всему их социальному окружению, поскольку оно не принимает "истинного" вероучения и не следует "правильным" нормам социального поведения.

Внешнеполитический фактор (ВП)*, включая фактор борьбы за стратегические невозобновляемые ресурсы*. Политизация этнонациональных противоречий становится сегодня эффективным средством продвижения интересов крупных игроков глобальной политики, инструментом политического контроля над процессами в странах "мировой периферии". Стратегия, ориентированная на хаотизацию "социального субстрата" неконсолидированных режимов и неинституционализированные практики "внешнего управления" потерявшим политическую ориентацию и способность к эффективной самоорганизации социумом, включает – в качестве одной из значимых составляющих – стимулирование этнополитической конфликтности и продвижение идеологии и системы ценностей, разделяющих нации и этноориентированные сообщества в их составе по их отношению к свободе, демократии и т.п. Безусловно, есть конфликты, в которых внешнеполитический фактор играет самодовлеющую роль, однако в целом в контексте анализа природы этнополитической кон-

фликтности вряд ли будет оправданным рассматривать внешнеполитическую составляющую в первом ряду факторов, активизирующих ее локальные очаги. Первостепенное значение имеет иная задача: изучение не столько геополитических интересов мировых центров силы, сколько конкретной социальной среды в конкретном регионе и стране, тех оснований этнополитической конфликтности, которые оказываются восприимчивыми и реактивными по отношению к внешнему воздействию. Действие внешнеполитического фактора, безусловно, является важной составляющей таких противостояний, но эффективность внешних, мотивированных глобальными стратегическими интересами усилий в решающей степени зависит от параметров социальной среды, от ее возбудимости и чувствительности к внешнему воздействию, отзывчивости на внешние стимулы. Тем самым задача анализа природы и характера конфликтности трансформируется в задачу изучения эффективности внешнего влияния, оценки той степени, в которой издержки внешних игроков претворяются в интересующие их изменения в расстановке сил в рамках местных политических режимов вплоть до их радикального упразднения. Активизация внешнеполитического фактора зачастую обусловлена борьбой субъектов мирового рынка за глобальное доминирование в условиях дефицита невозобновляемых ресурсов развития, имеющих стратегическое значение. Речь, безусловно, в первую очередь идет об углеводородах, но не только. На повестке дня стоит дефицит питьевой воды, плодородных почв, основных продуктов питания, некоторых редких, но критически важных для современного высокотехнологичного производства металлов и т.д. Стратегия глобальных игроков ясна – добиться такого доминирования с целью последующей конвертации преимуществ монопольного обладания общественно значимыми ресурсами в контроль над обществом и его политическими институтами. И неконсолидированные режимы “периферии” оказываются удобным объектом социального экспериментирования, а механизм эскалации этнополитической конфликтности – одним из наиболее эффективных инструментов целедостижения. Так, наличие колоссальных запасов углеводородов стало побудительным мотивом политического и военно-стратегического присутствия мировых держав на Ближнем Востоке, а стратегическое положение транзитной страны и колоссальный массив пахотных земель – причиной соответствующего интереса внешних игроков к Украине.

* * *

Ряд факторов, действие которых можно было бы включить в анализ соответствующих кейсов, представленным выше списком не исчерпывается. Но, дабы не перегружать атрибутику конфликтности, авторы сочли возможным ограничиться лишь несколькими *важными дополнительными параметрами* этнополитической конфликтности.

1. Параметр, характеризующий *актуальную интенсивность конфликта* (по состоянию на период оценки) и принимающий три значения: *латентный* конфликт, *активный* и *горячий*. В *латентном конфликте* (Л) стороны в целом соблюдают принципы современной политики; их действия остаются в политических рамках конституционно-правового поля. Такие конфликты нередко воспринимаются как потенциально стремящиеся перейти в активную фазу (Л+). Практики *активного конфликта* (А) преодолевают институциональные

и процедурные ограничения демократии, но останавливаются перед перспективой прямого насилия, силовых действий. Открытое противостояние органам обеспечения правопорядка воплощается в акциях гражданского неповиновения и несанкционированных властями мирных протестах. Стороны *горячего конфликта* (Г) не останавливаются перед применением открытого насилия, активно практикуют силовые методы вооруженной борьбы; в современном мире конфликты такого типа нередко маркированы взаимными обвинениями сторон в терроризме. Массовое применение насилия против гражданского населения переводит этот конфликт в фазу гражданской войны с почти неизбежным в эпоху глобализации внешним вмешательством, а использование хотя бы одной из сторон современных вооружений зачастую провоцирует серьезное межгосударственное противостояние на региональном или даже глобальном уровнях.

2. Наличие *трансграничных конфликтов* указывает на то, что потенциал этнополитической конфликтности делокализован, а сам конфликт охватывает территории по меньшей мере двух соседних государств. Вводя соответствующий параметр, мы затрагиваем весьма сложную для теоретического осмысления тему *границы*, приграничья [Крылов 2012] и фронтира [Фронтир... 2015]. С представлениями о границе сегодня происходят стремительные метаморфозы, за которыми не вполне поспевает теория (о чем свидетельствует, в частности, феномен “Шенгена”). Появление новых интеграционных проектов сулит людям преимущества более свободного общения, но соображения безопасности ведут к появлению новых барьеров и качественному усложнению границ. В причудливом конгломерате действующих сил конфликта (ярким примером может служить трансграничный сирийско-турецкий конфликт) трудно выделить все многообразие вовлеченных в противостояние акторов: вычленение и изучение роли этнополитической составляющей представляет трудноразрешимую задачу. Этот параметр этнополитической конфликтности, равно как и параметр асимметрии конфликтности, приходится учитывать всякий раз, когда в конфликте участвует центральное правительство, что лишает их качества характеристических признаков и побуждает исключить задачу их рассмотрения из текущего анализа.

3. Особо отметим влияние еще одного фактора, в ряде случаев (как это было в Квебеке, Северной Ирландии или Южном Тироле в период обострения противостояния), определявшего траекторию конфликта, но сегодня не являющегося значимым ни в одной из анализируемых конфликтных ситуаций (и потому не рассматриваемого нами отдельно). Речь – о наличии *формальных и неформальных политических институтов*, претендующих на представительство активных сторон конфликта. Этот *институциональный фактор* является важным дополнительным параметром развития этноконфликтных противостояний. Регионалистские (автономистские) партии и движения, группы интересов, продвигающие проекты автономизации вплоть до сецессии и создания собственной государственности на этнотерриториальных основаниях, выступают активными субъектами таких конфликтов, мобилизуют сообщество и формируют приоритеты политики идентичности, продвигаемой от его имени. Снижение влияния этого фактора обусловлено кризисом институтов национально-территориального государства, в том числе устоявшихся форм политического представительства.

Матрица этнополитических конфликтов и пути сопряжения эмпирических кейсов и моделей типологизации

Наиболее наглядной формой обобщения полученных результатов является табличный формат. В табл. 1 выделены основные и, в случае необходимости, дополнительные типы этнополитической конфликтности (учитывая ее сложносоставную природу). В обобщенном виде представлены факторы конфликтности – ключевые и дополнительные, выявленные на основе сравнительного анализа соответствующих кейсов. Особое внимание уделено оценке интенсивности конфликта, принципиально важной с точки зрения прогнозирования его течения и оптимизации возможностей регулирования с учетом внутриполитического и международно-политического контекстов.

Таблица 1 (Table 1)

Классификация этнополитических конфликтов: типы, факторы, интенсивность
(по состоянию на середину 2016 г.)
Classification of Ethnic Conflicts: Types, Factors, Intensity (as of mid-2016)

Стороны конфликта	Доминантный тип	Дополняющий тип	Ключевой фактор	Дополнительные факторы	Интенсивность конфликта
Постсоветское пространство					
Нагорный Карабах* (Армения) / Азербайджан	ПТ		ИП	КЛ	Г
Южная Осетия*, Абхазия* / Грузия	ПТ	ПИ	ВП	КЛ	Л+
Крым (Россия) / Украина	ПТ		ИП	ВП	Л+
ДНР**, ЛНР** / Украина	ПИ	ПТ	ИП	ДСД	Г
Этнические, клановые и субрегиональные группы интересов*** / центральная власть Киргизии	ПИ	ПУ	МЭП	ВП	Л+
Приднестровье* / Молдавия	ПТ		ВП	КЛ	А
Этнические, территориальные и клановые сообщества*** / центральная власть Казахстана	ПИ	ПУ	МЭП	ИП	Л
Евросоюз и соседние страны					
Каталония** / Испания	ПУ	ПТ	ДСД	КЛ	Л+
Община протестантов Северной Ирландии*** / Община католиков Северной Ирландии***	ПИ	ПУ	РМП	ИП	Л+
Корсика** / Франция	ПИ	ПУ	ИП	ДСД	Л+
Фландрия** / Валлония**	ПИ		КЛ	ДСД	Л+
Страна Басков** / Испания	ПУ		ИП	ДСД	Л
Трансильвания** / Румыния	ПИ	ПУ	ДСД	КЛ	Л+
Русскоязычная община / центральная власть Латвии	ПИ	ПУ	КЛ	ИП	Л
Косово* / Сербия	ПТ	ПИ	ИП	ВП	А
Турецкая Республика Северного Кипра* / Республика Кипр	ПТ		ИП	ВП	А

Продолжение таблицы 1

Центральная, Восточная и Юго-Восточная Азия					
Кашмир (Азад Кашмир)*, Пакистан, КНР / Индия	ПТ		ВП	ИП	А
Уйгуры*** СУАР** / КНР	ПТ	ПУ	РМП	КЛ	А
Рохинджья*** / Аракан (Канран)*** (Мьянма)	ПУ		ДСД	РМП	А
Северная и Южная Америка					
Квебек** / Канада	ПИ		КЛ	ДСД	Л
Индейские сообщества*** / государства Южной и Центральной Америки****	ПУ		ДСД	КЛ	А
Ближний и Средний Восток					
Палестина* / Израиль	ПТ	ПИ	РМП	ИП	Г
Разнородная вооруженная оппозиция*** / Сирия	ПИ	ПТ	ВП	РМП	Г
Курды** / Турция, Сирия, Ирак	ПТ	ПУ	ИП	КЛ	Г
Африка					
Арабы*** (Марокко) / Берберы*** (Марокко)	ПУ	ПИ	ДСД	МЭП	Л
Разнородные квазигосударства*** / Центральное правительство Ливии	ПТ	ПИ	МЭП	ВП	Г
Северные территории Нигерии** / Южные штаты и правительство Нигерии	ПУ	ПТ	ДСД	РМП	Г

Использованные сокращения (как и ранее в тексте): *Политико-управленческий конфликт* (ПУ); *Политико-институциональный конфликт* (ПИ); *Политико-территориальный конфликт* (ПТ); *Фактор исторической памяти* (ИП); *Фактор диспропорций в экономическом развитии и четко выраженных социальных дисбалансов* (ДСД); *Культурно-лингвистический фактор* (КЛ); *Фактор межэтнических (этноплеменных, межклановых) противоречий* (МЭП); *Фактор религиозных (межконфессиональных) противоречий, религиозного фундаментализма* (РМП); *Внешнеполитический фактор* (ВП). *Актуальная интенсивность конфликта*: латентный (Л, Л+), активный – (А) и горячий – (Г).

*Непризнанные международным сообществом государства;

**Автономные или исторические области, территориальные общности, регионы или провинции, находящиеся в затяжном конфликте с центральной властью;

***Этнические, территориальные, религиозные или иные сообщества, находящиеся в затяжном конфликте с центральной властью или с иными сообществами;

****Прежде всего Перу, Боливия, Бразилия, Колумбия, Никарагуа, Гватемала.

Список из 27 изученных и классифицированных кейсов не является исчерпывающим. В него включены те, что иллюстрируют наиболее яркие проявления шести включенных в анализ факторов конфликтности в разных регионах мира, значимые с точки зрения глобального политического резонанса и влияния на трансформацию миропорядка. Есть и немногочисленные урегулированные конфликты, разумеется, не включенные в табл. 1. Примером эффективно урегулированного на данный момент, по мнению итальянского экспертного сообщества, "исторического конфликта" и своего рода моделью успешного управления этноконфликтностью может служить ситуация в Больцано (Южном Тироле) – лидирующей по качеству жизни провинции в Италии в составе автономного региона Трентино – Альто-Адидже, где проживают немецкоговорящее меньшинство и немногочисленная группа ладинов. Табл. 1. в дальнейшем может дополняться, а используемые в ней экспертные оценки – уточняться, ввиду интенсивной динамики конфликтности в современную кризисную эпоху. Такая динамика со временем может вести к изменению как доминирующего типа кон-

фликта, так и иерархии факторов его актуализации, что авторы рассматривают в качестве стимула к последующим исследованиям. Итоговое распределение представленных в табл. 1 кейсов этнополитической конфликтности по разным сочетаниям атрибутирующих их типов и факторов представлено в табл. 2.

Таблица 2 (Table 2)

Корреляция между доминирующим типом этнополитической конфликтности и факторами актуализации конфликта

Correlation between the Dominant Type of Ethnic Conflict and the Factors of Conflict Actualization

Факторы актуализации конфликтности	Доминирующий тип этнополитической конфликтности		
	Политико-территориальный (ПТ)	Политико-институциональный (ПИ)	Политико-управленческий (ПУ)
ИП	Нагорный Карабах; Крым; Косово; Кипр; Курдистан; *Палестина; Кашмир*	Корсика; ДНР, ЛНР; *Казахстан; Латвия; Северная Ирландия*	Страна Басков
ДСД		Трансильвания; *Корсика; Бельгия; Квебек; ДНР, ЛНР*	Каталония; Мьянма; Индейские сообщества ЛА; Марокко; Нигерия; *Страна Басков*
КЛ	*Южная Осетия, Абхазия; Приднестровье; Курдистан; Синьцзян*	Квебек; Бельгия; Латвия; *Трансильвания*	*Каталония; Индейские сообщества ЛА*
РМП	Палестина; Синьцзян	С. Ирландия; *Сирия*	*Мьянма; Нигерия*
МЭП	Ливия	Казахстан; Киргизия	*Марокко*
ВП	Приднестровье; Кашмир; Южная Осетия, Абхазия; *Крым; Кипр; Нагорный Карабах; Косово; Ливия*	Сирия; *Киргизия*	

Для выделенных курсивом кейсов соответствующие факторы актуализации конфликтности определены как дополнительные (см. табл. 1; там же см. использованные сокращения).

Ключевым фактором актуализации конфликтности в случае **политико-управленческого конфликта** (за одним исключением) выступают *экономические диспропорции и социальные дисбалансы развития*. В одном случае ключевым становится фактор исторической памяти (опосредованное влияние этого фактора, прослеживаемое через культуру и язык, безусловно, проявляется почти в каждом случае). Важными дополнительными факторами для этого типа конфликта являются межконфессиональные и межклановые противоречия, а также культура и язык. Случаев прямого влияния внешнеполитического фактора для этого типа конфликтности не выявлено. Характерный пример конфликта данного типа – противостояние групп *коренного населения и государства в ряде (если не в большинстве) стран Латинской Америки*. В эпицентре этого активного конфликтного противостояния находятся проблемы эффективного управления для поддержки и защиты прав автохтонных сообществ, которые на себе испытывают последствия острых диспропорций в экономическом и социальном *развитии*.

По состоянию на 2010 г. 45 млн граждан стран Латинской Америки (в том числе 62% в Боливии, 41% в Гватемале, 24% в Перу и 15% в Мексике) пред-

ставляли коренные народности континента [ECLAC 2014]. В контексте происходившей на протяжении последних трех десятилетий демократизации политических режимов (при очевидных различиях в моделях и качестве управления) набирали силу процессы политизации этничности: борьба за права индейского населения стала частью этой повестки дня, в то время как политика метисации [см. Прохоренко 2016] столкнулась с серьезными системными ограничениями. Наиболее высокий уровень противостояний наблюдается в андских странах, где особенно остро стоят вопросы защиты территории традиционного проживания и права на контроль над природными ресурсами на этих территориях, на участие в принятии решений об их эксплуатации. Но в основе напряженности лежит, как считают авторитетные аналитики, бедность, социальное неравенство и депривация коренного населения [Hall, Patrinos 2004; Stoiber et al. 2013]. Несмотря на быстрые процессы урбанизации, в ряде стран большинство по-прежнему составляет крестьянское население; высокой остается доля семей, живущих за чертой бедности.

Ответом государства на вызовы политизации этничности стал "новый конституционализм": в основной закон большинства латиноамериканских стран в последнее время внесены положения о полиэтничном и мультикультурном характере современных национально-государственных сообществ, о поддержке культурной особости и политических прав меньшинств (вплоть до возможности участия в выборах неграмотных граждан) и децентрализации управления. Такие сообщества получили политическое признание: социальная поддержка групп коренного населения была признана как проблема, требующая системных управленческих решений. Однако разрывы между национальным законодательством и обычным правом, принятым в этих сообществах, сохраняются.

Преодоление разрывов вкупе с расширением возможностей политического участия – главные условия снижения потенциала конфликтности [Sieder 2002]. Наряду с устранением главной причины напряженности – острых социальных и экономических диспропорций – в повестке дня политики идентичности, продвигаемой активными группами коренного индейского населения, стоят требования защиты традиционной культуры, образа жизни, образования на родном языке. Пока же сохраняется патерналистская, а не партнерская модель взаимодействия с коренным населением, потенциал конфликтности не снижается[4]; могут иметь место и реверсивные тенденции, обострение противоречий между группами коренного и "креольского" населения. Управленческий конфликт может в этих условиях перерасти в политико-институциональный; осознание рисков должно стимулировать поиски эффективных управленческих решений в публичной политике, в первую очередь в расширении возможностей доступа представителей индейского населения, особенно женщин, к высшему образованию, поддержке двуязычного образования и других каналов межкультурных коммуникаций.

Для **политико-институционального конфликта** характерно иное (см. табл. 2), более равномерное распределение кейсов по факторам актуализации кон-

[4] Такое развитие событий не предопределено: так, отсутствие в числе рассмотренных нами кейсов Австралии и Новой Зеландии объясняется тем, что на данный момент модель вовлечения в управление аборигенного населения в рамках политики мультикультурализма (в случае Новой Зеландии – бикультурализма), практиковавшаяся с 1970-х годов, дала здесь результаты. Это связано не только с масштабными усилиями государства в сфере социальной политики, но и с тем, что численность автохтонного населения в этих странах относительно невелика. Растущие потоки иммиграции вносят коррективы в приоритеты этой политики.

фликтности, побуждающим к инициативам пересмотра политико-институционального строя государства; при этом решающее значение могут иметь самые разные факторы. В качестве примера мы рассмотрим *латентный конфликт в Казахстане*, "движущей силой" которого выступают приглушенные в настоящее время межэтнические противоречия (с рудиментарными компонентами этноплеменной и межклановой розни).

Современный Казахстан представляет собой полиэтничное государство. В нем проживают казахи, русские, узбеки, украинцы, уйгуры, татары, немцы и другие народы. При этом достаточно сложные отношения между различными этническими группами регулируются не вполне последовательно, что во многом обусловлено клановой, территориальной и социальной разобщенностью как казахского населения, так и казахской политической элиты, сохраняющейся бескомпромиссностью претензий отдельных ее групп на власть и на участие в распределении ресурсов. В Казахстане сложилось ярко выраженное социально-политическое размежевание на казахов "сельских" и "городских", на тех, кто не владеет русским языком, и тех, кто им владеет. В этих обстоятельствах способом обеспечения территориальной целостности Казахстана стало формирование персоналистского режима. На этой основе президент Н. Назарбаев проводит политику многосоставной идентичности, сочетающей элементы этнической (казахи, русские и др.), национальной (казахстанской) и наднациональной (евразийской, ориентированной на Евразийский экономический союз) идентичности [Постсоветские... 2008: 181]. Это дало возможность долгое время сохранять социальную и политическую стабильность в стране [Бирюков 2015].

Но в условиях сокращения финансовых возможностей в результате падения мировых цен на нефть эта политика, как показали события в Алма-Ате, Астане и других городах в 2015-2016 гг., стала давать сбои. Этнополитическая конфликтность в Казахстане сохраняется, хотя и в латентном виде, как сохраняются и связанные с ней угрозы. Основная проблема Казахстана, как и многих других постсоветских государств, состоит в незавершенном формировании системы политических институтов, учитывающей историю, традиции, ценности, цивилизационную и социокультурную специфику данного общества. Наличие в Казахстане или проникновение на его территорию радикальных, террористических группировок грозит политизировать сохраняющиеся в стране этнонациональные противоречия и перевести конфликт из латентной стадии в активную. На первый план выдвигаются проблемы преемственности власти, ответственного поведения различных групп казахстанской элиты, социокультурной консолидации казахстанского общества, а также реформирования политической системы и ее институтов в рамках конституционно-правового поля.

Для **политико-территориального конфликта** наиболее характерны (см. табл. 2) два типа ключевых факторов актуализации конфликтности: фактор исторической памяти и внешнеполитический фактор. Оба они, часто в сочетании, решающим образом проявляются в странах и регионах, где территориальные границы государств формировались в большей мере по "геополитическим соображениям", без учета интересов автохтонных сообществ. Тем самым в конструкцию новых территориальных государств оказались включены не только сообщества с травмирующим опытом прежнего конфликтного сосуществования, подновляемым за счет сохраняющейся межконфессиональной, межэтнической и иной напряженности, но и прежние геополитические расколы, делающие конфликты в этих странах чрезвычайно чувствительными для глобальных игроков и потенциально

способными провоцировать острую международную напряженность. Следует отметить, что в развитии этого типа конфликта, наряду с двумя отмеченными выше, важную роль играют культурно-лингвистический фактор и фактор межконфессиональных противоречий, тогда как фактор экономических диспропорций и социальных дисбалансов не имеют существенного значения.

В качестве примера мы рассматриваем горячий конфликт в Нагорном Карабахе, хорошо иллюстрирующий типичный случай такого рода противостояния, в котором активно задействованы как ресурсы исторической памяти обеих сторон, так и весь комплекс разделяющих их культурно-лингвистических и межрелигиозных противоречий; конфликт усиливается влиянием внешнеполитического фактора. Конфликт политико-территориального типа в *Нагорном Карабахе* длится уже почти столетие, его продолжительность и глубина обусловлены исторически[5]. Ожесточенное противостояние сопровождается войной памяти, мифов и идентичностей [Шнирельман 2003]. После распада СССР конфликт между армянской и азербайджанской сторонами разгорелся с новой силой. В 2008 г. была принята Московская декларация – единственный документ по нагорно-карабахскому урегулированию, под которым стоят подписи президентов Армении и Азербайджана.

Основным фактором этнополитической конфликтности в случае Нагорного Карабаха является фактор исторической памяти, причем он особенно важен для армян, в то же время для азербайджанцев главным является сохранение территориальной целостности [De Waal 2003]. Регулирование этого конфликта не может осуществляться без внешнего политического и дипломатического участия России, которая делает все возможное, чтобы конфликт в Нагорном Карабахе не перерос в региональную войну. Полное урегулирование этого конфликта в ближайшей перспективе невозможно из-за того, что ни армянская, ни азербайджанская сторона не готовы пойти на компромиссы и уступки из-за внутриполитической ситуации и в той, и в другой стране.

Некоторые прогнозы и выводы для дальнейших исследований

Конфликты с этнополитической составляющей разгораются в разных странах и регионах мира, в государствах с различными политическими режимами. По итогам анализа можно говорить о явном доминировании в странах демократической политической традиции политико-институциональных конфликтов. Главная причина в том, что сегодня здесь растет запрос на децентрализацию, на развитие разнообразных форм автономного *самоуправления*. Недостаточная институциональная обеспеченность такого запроса стимулирует сепаратистские устремления местных политических элит, в результате могут появиться новые очаги политико-территориальной конфликтности. Стратегия предупреждения и регулирования таких противоречий должна не только иметь адекватную институциональную поддержку, но и постоянно обновляться

[5] История конфликта неоднозначна [Востриков 1999]. Карабах был присоединен к России после войны с Ираном в 1826 г., армяне, составлявшие подавляющее большинство его населения, были тогда спасены от физического уничтожения или принудительной ассимиляции. После распада Российской империи в 1917 г. Карабах на некоторое время стал отдельным государственным образованием, фактически управлявшимся Собранием армян Карабаха. Однако Азербайджан оспорил право армян управлять Карабахом. После советизации Армении и Азербайджана решением Кавбюро ЦК РКП(б) от 4 июля 1921 г. было решено вновь передать Карабах Армении, но уже 5 июля 1921 г. решение было пересмотрено, и он был оставлен в качестве автономии в составе Азербайджана. В 1937 г. Нагорный Карабах был преобразован в Нагорно-Карабахскую автономную область (НКАО), причем первоначально НКАО граничила с Армянской ССР, но к концу 1937 г. общая граница исчезла.

в соответствии с новыми задачами. Осложняющим обстоятельством является растущая культурная неоднородность современных обществ, вызванная инокультурной миграцией. Принципиально важное условие согласования интересов в рамках регулирования таких противостояний – "согласие на развитие" всех вовлеченных в конфликтное противостояние субъектов на основе включения требований политико-территориальных сообществ в повестку дня политических реформ и продвижения разных форм гражданской самоорганизации. Мобилизацию вокруг этнической идентичности можно таким путем постепенно переориентировать на поддержку гражданских инициатив.

Политико-управленческие конфликты занимают заметное место в политическом процессе целого ряда бедных незападных стран, где в условиях этнокультурного многообразия сохраняются заметные разрывы в уровне жизни большинства и автохтонных меньшинств. Такие "группы риска" (названные в свое время Тедом Гурром "меньшинствами риска" – "*minorities at risk*" [Gurr 1993]) становятся объектами целенаправленной политики идентичности, которую элитные группы продвигают от имени интересов сообщества, апеллируя к общим основаниям этнической идентичности. Стратегии "позитивной дискриминации" в отношении представителей таких сообществ могут работать в сочетании с политическим регулированием, направленным на поддержку их участия в управлении. Но, как и в случае политико-институциональных противостояний, эффективность такого регулирования средствами публичной политики определяется способностью к постоянной "подстройке" и обновлению институтов социального государства. В условиях отсутствия экономических ресурсов и политической воли реальной становится опасность перерастания таких конфликтов в политико-территориальные.

В современном мире этот самый заметный тип противостояний генерирует все новые очаги конфликтности. Они разгораются в сообществах, проходящих разные траектории нациестроительства, и не обходят стороной даже, казалось бы, состоявшиеся национальные государства. "Вездесущность" политико-территориальных противостояний свидетельствует о радикальных изменениях в структуре современного миропорядка. "Возрождение этничности" выводит на поверхность политического процесса противоречия между группами интересов, когда активная сторона конфликта добивается пересмотра существующих форм государственности. Сама форма "национального" государства как "рамки", объединяющей разные культуры и идентичности в гражданской нации, оказывается под вопросом. Чтобы быть успешными, альтернативные проекты государственности не могут, на наш взгляд, не учитывать стремление новых политических сообществ утвердить свою, отличную от "других", идентичность в противостоянии "глобальной" культуре, и "закрепить" ее путем реализации проектов нациестроительства. Императивом эффективного регулирования является трансформация конфликта идентичностей в конфликт интересов. Отнюдь не всегда в этом контексте речь идет о сохранении устоявшихся форм государственности, но всегда – о направлении противостояния в мирное русло (об этом свидетельствуют пример распада Чехословакии и противоположный по характеру протекания пример распада Югославии).

Политические субъекты, впрямую эксплуатирующие потенциал политизированной этничности, зачастую не ограничиваются лоббированием тех или иных управленческих решений, но и инициируют институциональные преобразования в государстве (по пути федерализации / деволюции или совместного управления,

power sharing), а при радикализации конфликта – попытки сецессии или проекты ирредентизма. Иными словами, целенаправленная политизация этничности обычно оказывается *прологом* попыток реализации сообществом, выступающим активной стороной конфликта, своих *притязаний на политическую субъектность*. Решающее значение в этом процессе имеет формирование элитной коалиции, продвигающей соответствующий политический проект. При этом ориентиры политики идентичности, проводимой от имени государства, выступающего противостоящей стороной конфликта, располагаются в весьма широком диапазоне. Крайности, равно контрпродуктивные с точки зрения интересов гражданского мира в стране, таковы: на одном полюсе – разжигание конфликтности между этническими группами, в том числе – путем социальной дискриминации или вооруженного насилия со стороны государства, на другом – отрицание значимости этнических различий в государственном политико-гражданском пространстве, что, в свою очередь, влечет отрицание необходимости преференциальной политики в отношении этнических меньшинств. Примеры таких проявлений многочисленны, в том числе, к сожалению, и на постсоветском пространстве. Именно такая политика зачастую оказывается решающей причиной острых внутриполитических и межгосударственных конфликтов, существующих здесь в активном или латентном состоянии.

Представленная типология этнополитической конфликтности дает возможность прогнозировать и сами ситуации эскалации межэтнических противостояний, и пути их урегулирования. Это тем более важно потому, что "вопрос о конструктивном потенциале этнического конфликта практически не разработан в научном плане, отсюда и определенные стереотипы в поисках выхода из острых фаз" таких конфликтов [Авксентьев 2001].

Такое прогнозирование развития процессов этнополитической конфликтности по необходимости апеллирует к трендам глобальной динамики в современную эпоху кризисной неустойчивости миропорядка. Здесь уместно наметить следующие направления анализа. 1). Еще некоторое время (не менее десятилетия) будет сохраняться глобальное геополитическое напряжение – до тех пор, пока, сменяя старую монополярную модель, не будет выработана новая модель миропорядка. Это будет отражаться, прежде всего, на состоянии политико-территориальных конфликтов, затрудняя процессы их урегулирования и в лучшем случае обрекая их на перспективу "замораживания". А конфликты с ведущим *фактором диспропорций в экономическом развитии и социальных дисбалансов* столь же длительное время не будут получать необходимых для их разрешения материальных ресурсов. 2). Перспективы политико-институциональной конфликтности, в силу разнообразия влияющих на нее факторов, в основном будут определяться внутриполитическими обстоятельствами, способностью государств, включенных в этнополитическое противостояние групп интересов и структур гражданского общества, продвигать идеи и проекты институциональных реформ. Очевидно, что перспективу компромиссного урегулирования имеют, прежде всего, конфликты, где ведущим является *культурно-лингвистический фактор* (Квебек, Бельгия, Латвия). 3). Фундаментальность *фактора исторической памяти, факторов межэтнических и религиозных (межконфессиональных) противоречий* не предполагает скорого урегулирования конфликтов с их доминированием, особенно при наличии противоречий по политико-территориальным вопросам (баскский случай пока смотрится здесь скорее как исключение). 4). В условиях растущей политической и социальной нестабильности в результате снижающейся способности государственной си-

стемы управления в ряде ведущих государств мира, включая США и страны ЕС, отвечать на новые современные вызовы могут обостриться политико-управленческие конфликты. 5). В перспективе ближайших десятилетий будут возрастать возможности наднационального регулирования этнополитической конфликтности, особенно в случаях политико-территориальной и политико-институциональной конфликтности. 6). В целом можно прогнозировать общее усиление этнополитической конфликтности в период 2017-2029 гг., появление в разных регионах мира новых "горячих точек" этнополитической напряженности.

Изучение и прогнозирование этнополитической конфликтности и разработка моделей ее регулирования опирается на возможности теории "среднего уровня" [Merton 1968], на анализ и теоретическое обобщение широкого спектра эмпирического материала. Актуальной остается потребность в "большой теории", способной вписать выявленные тенденции в контекст системного анализа социально-политических трансформаций. Но сами рамки теоретических обобщений такого уровня в условиях нынешних стремительных изменений в структуре миропорядка требуют переосмысления и сопряжения с пониманием альтернатив современного развития. Переход к такой научной парадигме затруднен многофакторностью и изменчивостью феномена этнополитической конфликтности, а также противоречивым характером научного дискурса. Потребность в синтезе устойчивой политико-институциональной и подвижной мотивационной составляющих, ценностей, интересов и их фиксации в этнической идентичности выводит на задачу разработки адекватного категориального аппарата и новых методов политических исследований, отвечающих меняющимся политическим реалиям – таких, в которых субъективная составляющая занимает все более заметное место.

Авксентьев В.А. 2001. *Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы*. Ставрополь: изд-во СГУ. 267 с.

Аклаев А.Р. 2008. *Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент*. Учеб. пособие. М.: Издательство "Дело" АНХ. 480 с.

Альтерматт У. 2000. *Этнонационализм в Европе*. М.: РГГУ. 367 с.

Бирюков С.В. 2015. Президентские выборы 2015 года в Казахстане: внутриполитическое и внешнеполитическое значение. – *Политические институты и процессы*. № 2. С. 27-32.

Востриков С.В. 1999. Карабахский кризис и политика России на Кавказе. – *Общественные науки и современность*. № 3. С. 73-86.

Глухова А.В. 2010. *Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ)*. М.: Эдиториал УРСС. 280 с.

Горовиц Д. 2007. Структура и стратегия этнического конфликта. – *Власть*. № 2. С. 30-37. № 4. С. 49-54; № 6. С. 35-41.

Дробижева Л.М. 2003. Проблемы межэтнических отношений. – *Психология межэтнической толерантности*. Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Изд-во Института социологии РАН. С. 31-52.

Дробижева Л.М. 2011. Этническая идентичность. – *Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Словарь терминов и понятий*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН. С. 130-134.

Колосов В.А. 1998. "Примордиализм" и современное национально-государственное строительство. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 95-106.

Крылов М.П. 2011. Приграничная идентичность. – *Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН. С. 147-153.

Лапкин В.В. 2012. Политические изменения в глобальном мире и динамика идентичности. – *Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН. С. 16-41.

Лапкин В.В. 2016. Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 54-64. DOI: http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.06

Малинова О.Ю. 2012. Символическая политика: контуры проблемного поля. – *Символическая политика*. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН. С. 5-16.

Малинова О.Ю. 2015. *Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: РОССПЭН. 207 с.

Никовская Л.И. 2003. *Трансформация в России в контексте социального конфликта*. М.: Ключ-С. Ч. 1. 232 с.; ч. 2. 316 с.

Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования. Редколлегия: И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкин, В.И. Пантин. 2014. М.: ИМЭМО РАН. 218 с.

Постсоветские государства. 2008. Под ред. Ж. Радвани. М.: NOTA-BENE. 288 с.

Прохоренко И.Л. 2016. Этнополитическая конфликтность и политика идентичности в странах Латинской Америки. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 29-40. DOI: http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.04

Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего. 2015. М.: ЭКСМО. 384 с.

Садовая Е.С., Бардин А.Л., Довбыш Е.Г. 2016. Индексы социального самочувствия как инструмент исследования и прогнозирования этнополитических конфликтов. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 9. С. 59-68. DOI: http://dx.doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-9-57-66

Сейлеханов Е.Т. 2009. *Политическая система Республики Казахстан: опыт развития и перспективы*. Алматы: КИСИ при Президенте РК. 296 с.

Семененко И.С. 2016. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 8-28. DOI: http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03

Тишков В.А. 1997. *Очерки теории и политики этничности в России*. М.: Русский мир. 532 с.

Тишков В.А., Шабаев Ю.П. 2011. *Этнополитология: политические функции этничности*. М.: Издательство Московского университета. 376 с.

Фронтир как эвристическая модель историко-культурного познания. Материалы круглого стола. 2014. – *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 4 (41). С. 304-314. URL: http://kaspy.asu.edu.ru/index.php?articleId=822 (accessed 01.10.2016).

Хабермас Ю. 2005. Границы неоисторизма. Беседа с Жаном-Марком Ферри. – Ю. Хабермас. *Политические работы*. М.: Праксис. С. 30-32.

Харитонова Е.М. 2016. Мониторинг этнополитической конфликтности. – *Вестник Пермского университета. Серия "Политология"*. № 3 (в печати).

Шнирельман В.А. 2003. *Войны памяти, мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: Академкнига. 603 с.

Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современного мира. 2014. Под ред. Е.Ш. Гонтмахера, Н.В. Загладина, И.С. Семененко. М.: ООО "Русское слово – учебник". 280 с.

Cordell K., Wollf S. 2009. *Ethnic Conflict. Causes – Consequences – Responses*. Cambridge; Malden, MA: Polity Press. 232 p.

De Waal T. 2003. *Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War.* N.Y., L.: New York University Press. 337 p.

ECLAC 2014. (Economic Commission for Latin America and the Carribean). Los pueblos indígenas en América Latina: avances en el último decenio y retos pendientes para la garantía de sus derechos. Santiago: CEPAL. 410 p.

Gurr T.R. 1993. *Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts.* Washington: USIP Press. 448 p.

Hall G., Patrinos H.A. 2004. *Indigenous Peoples, Poverty and Human Development in Latin America: 1994-2004.* Washington: World Bank Report. 19 p.

Horowitz D.L. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley: University of California Press. 697 p.

Merton R.K.1968. *Social Theory and Social Structure*. N.Y.: Free Press. 702 p.

Sieder R. 2002. *Multiculturalism in Latin America: Indigenous Rights, Diversity and Democracy*. L.: Palgrave Macmillan. 280 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1057/9781403937827

Stoiber M., Caselitz F., Heinelt M.-S. 2013. *How to Deal with Socio-ethnic Conflicts in Latin America? Analysing Conditions on Multiple Levels with fsQCA" Paper for the Panel "QCAs-in-the-making" at the Conference "QCA (Qualitative Comparative Analysis)*. Applications and Methodological Challenges", November, 22-23, 2013, at Goethe-University Frankfurt. 17 p.

Tilly Ch., Tarrow S. 2007. *Contentious Politics*. Paradigm Pub.: Boulder Co. 260 p.

DOI: 10.17976/jpps/2016.06.06

CLASSIFYING ETHNIC CONFLICTS: CHALLENGES FOR POLITICAL THEORY AND METHODOLOGY

I.S. Semenenko[1], V.V. Lapkin[1], V.I. Pantin[1]

[1] Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

SEMENENKO Irina Stanislavovna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Centre for Comparative Socioeconomic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Email: isemenenko@mail.ru; **LAPKIN Vladimir Valentinovich, Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences.** Email: vvlh@politstudies.ru; **PANTIN Vladimir Igorevich, Dr. Sci. (Philos.), Head of Department, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences.** Email: v.pantin@mail.ru

Received: 22.08.2016. Accepted: 31.08.2016

Acknowledgments. This article was prepared with financial support provided by the Russian Science Foundation [research grant № 15-18-00021 "Regulating interethnic relations and managing ethnic and social conflicts in the contemporary world: the resource potential of civic identity (a comparative political analysis)"]. The research was conducted at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), RAS.

Abstract. The authors assess the theoretical and methodological problems arising in the definition and in the study of ethnic conflicts in the contemporary transforming world order, and give their definition of ethnic (ethnopolitical) conflict with a focus on the political mobilization of ethnic identity. Building on a qualitative analysis of 27 cases of ethnic contention in different countries and regions of the world chosen by expert evaluation, they elaborate an analytical model for studying ethnic conflict using a factor-based approach. The key factors that drive ethnic contention are detected, considered and compared: these include collective memory and claims for language and cultural autonomy, religious and confessional differences, economic and social disparities, clan and tribal interests overruling the common interest, as well as external influence and the political accommodation of ethnic interests. The comparative study brings to light, as the article arguments, three types of ethnic conflict: territorial, institutional and policy-oriented. Three cases are presented to illustrate these findings, with special attention to contention in the post-Soviet political space. The study brings forward arguments to support middle range theory: it can be adapted to evaluate ethnic conflict as a driver of political change in the contemporary world, whereas "grand theory" has in this case considerable limitations which are due both to the complex nature of these conflicts and of the transformations of the world order, and to the highly

contested contemporary theoretical discourse on conflict and ethnicity. This does not, however, overrule prospects for further steps towards elaborating a broad theoretical framework for conflict assessment and regulation. The authors see the transformation of identity conflicts into conflicts of interests and the formation of appropriate institutions for their reconciliation as an effective instrument for incorporating ethnic identities into the identity politics agenda on the national level. Depoliticizing ethnicity is a marker of effective conflict regulation and prevention. This can be achieved by promoting public policies in the social sphere, with special attention to education, and by a positive convergence of civic and ethnic identities over a national "accord on development". To achieve a positive outcome, it has to be sustained by thriving community activities in various spheres where different identities meet.

Keywords: ethnic; ethnopolitical conflict; interethnic tensions; nation; ethnicity; ethnic identity; political community; politicization of ethnicity; conflict regulation; nation-building.

References

Aklaev A.R. *Etnopoliticheskaya konfliktologiya: Analiz i menedzhment* [Ethopolitical Conflict Resolution Studies: Analysis and Management]. Moscow: Publishing House "Delo" ANKh. 2008. 480 p. (In Russ.)

Altermatt U. *Etnonatsionalizm v Evrope* [Ethnonationalism in Europe]. Moscow: RGGU. 2000. 367 p. (In Russ.)

Avksentev V.A. *Etnicheskaya konfliktologiya: v poiskakh nauchnoi paradigmy* [Ethnic Conflict Resolution Studies: in Search of a Scientific Paradigm]. Stavropol': SGU Publishing House. 2001. 267 p. (In Russ.)

Biryukov S.V. The Presidential Elections in 2015 in Kazakhstan: Value of Domestic and Foreign Policy. – *Politicheskie instituty i protsessy*. 2015. No. 2. P. 27-32. (In Russ.)

Cordell K., Wollf S. *Ethnic Conflict. Causes – Consequences – Responses*. Cambridge; Malden, MA: Polity Press. 2009. 232 p.

De Waal T. *Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War.* N.Y., L.: New York University Press. 2003. 337 p.

Drobizheva L.M. Problemy mezhetnicheskikh otnoshenii [Problems of Interethnic Relations]. – *Psikhologiya mezhetnicheskoi tolerantnosti*. Otv. red. L.M. Drobizheva [Psychology of Interethnic Tolerance. Ed. by L.M. Drobizheva]. Moscow: Publishing House of Institute of Sociology, RAS. 2003. P. 31-52. (In Russ.)

Drobizheva L.M. Etnicheskaya identichnost' [Ethnic Identity]. – *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. T. 1. Slovar' terminov i ponyatii*. Otv. red. I.S. Semenenko [Political Identity and Identity Politics. Vol. 1. Glossary of Terms and Concepts. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: ROSSPEN. 2011. P. 130-134. (In Russ.)

ECLAC. (Economic Commission for Latin America and the Carribean). Los pueblos indígenas en América Latina: avances en el último decenio y retos pendientes para la garantía de sus derechos. Santiago: CEPAL. 2014. 410 p.

Etnosotsiokul'turnyi konflikt: novaya real'nost' sovremennogo mira. Pod red. E.Sh. Gontmakhera, N.V. Zagladina, I.S. Semenenko [Etno-socio-cultural Conflict: the New Reality of the Modern World. Ed. by E.Sh. Gontmakher, N.V. Zagladin, I.S. Semenenko]. Moscow: OOO Russian Word – a Textbook. 2014. 280 p. (In Russ.)

Frontier as a Heuristic Model of Historical and Cultural Knowledge. Materials of the Round Table. – *The Caspian Regions: Politics, Economics, Culture*. 2014. No. 4. Vol. 41. P. 304-314. (In Russ.). URL: http://kaspy.asu.edu.ru/index.php?articleId=822 (accessed 01.10.2016).

Glukhova A.V. *Politicheskie konflikty: osnovaniya, tipologiya, dinamika (teoretiko-metodologicheskii analiz)* [Political Conflicts: Basis, Typology, Dynamics (Theoretical and Methodological Analysis)]. Moscow: Editorial URSS. 2010. 280 p. (In Russ.)

Gorovits D. The Structure and Strategy of the Ethnic Conflict. – *Vlast'*. 2007. No. 2. P. 30-37; No. 4. P. 49-54; No. 6. P. 35-41. (In Russ.)

Gurr T.R. *Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts*. Washington: USIP Press. 1993. 448 p.

Habermas Ju. Grenzen des Neohistorismus. Ein Gespräch mit Jean-Marc Ferry. (Russ. ed.: Habermas Ju. Granitsy neoistorizma. Beseda s Zhanom-Markom Ferri. – Habermas Ju. *Politicheskie raboty* [Political Works]. Moscow: Praxis. 2005. P. 30-32.)

Hall G., Patrinos H.A. *Indigenous Peoples, Poverty and Human Development in Latin America: 1994-2004*. Washington: World Bank Report. 2004. 19 p.

Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley: University of California Press. 1985. 697 p.

Kharitonova E.M. Monitoring of Ethnopolitical Conflicts. – *Perm University Herald, series "Political Science"*. 2016. No. 3. (In print).

Kolosov V.A. "Primordialism" and the Modern Nation-state Building. – *Polis. Political Studies*. 1998. No. 3. P. 95-106. (In Russ.)

Krylov M.P. Prigranichnaya identichnost' [Border Identity]. – *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. T. 1. Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki. Slovar' terminov i ponyatii* [Political Identity and Identity Politics. Vol. 1. Glossary of Terms and Concepts. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: ROSSPEN. 2011. P. 147-153. (In Russ.)

Lapkin V.V. Politicheskie izmeneniya v global'nom mire i dinamika identichnosti [Political Changes in the Global World and Dynamics of Identity]. – *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. T. 2. Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke*. Otv. red. I.S. Semenenko [Political Identity and Identity Politics. Vol. 2. Identity and Socio-political Changes in the XXI Century. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: ROSSPEN. 2012. P. 16-41. (In Russ.)

Lapkin V.V. Problems of Nation Building in Multi-ethnic Post-Soviet Societies: Ukrainian Case in Comparative Perspective. – *Polis. Political Studies*. 2016. No. 4. P. 54-64 (In Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.06

Malinova O.Yu. *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti* [Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemma of Russian Identity]. Moscow: ROSSPEN. 2015. 207 p. (In Russ.)

Malinova O.Yu. Simvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya [Symbolic Policy: Contours of the Problem Field]. – *Simvolicheskaya politika. Vyp. 1. Konstruirovanie predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs* [Symbolic Politics. Vol. 1. Construction of Representations of the Past as a Power Resource]. Moscow: INION RAN. 2012. P. 5-16. (In Russ.)

Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. N.Y.: Free Press. 1968. 702 p.

Nikovskaya L.I. *Transformatsiya v Rossii v kontekste sotsial'nogo konflikta* [Transformation in Russia in Context of Social Conflict]. Moscow: Klyuch-S. 2003. Vol. 1. 232 p.; vol. 2. 316 p. (In Russ.)

Politicheskie izmeneniya v global'nom mire: teoretiko-metodologicheskie problemy analiza i prognozirovaniya. Redkollegiya: I.S. Semenenko (otv. red.), V.V. Lapkin, V.I. Pantin [Political Change in a Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting. Ed. by I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin]. Moscow: IMEMO RAN. 2014. 218 p. (In Russ.)

Postsovetskie gosudarstva. Pod red. Zh. Radvani [Post-Soviet States. Ed. by Zh. Radvani]. Moscow: NOTA-BENE. 2008. 288 p. (In Russ.)

Prokhorenko I.L. Ethnopolitical Conflict and Politics of Identity in Latin America. – *Polis. Political Studies*. 2016. No. 4. P. 29-40. (In Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.04

Rossija i mir v 2020 godu: Kontury trevozhnogo budushhego [Russia and the World in 2020: Contours of the Troubling Future]. Moscow: EKSMO. 2015. 384 p. (In Russ.)

Sadovaya E.S., Bardin A.L., Dovbysh E.G. Indices of Social Well-Being as Tool for Analysis and Forecast of Ethnopolitical Conflicts. – *World Economy and International Relations*. 2016. Vol. 60. No. 9. P. 57-66. (In Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-9-57-66

Sejlehanov E.T. *Politicheskaja sistema Respubliki Kazahstan: opyt razvitija i perspektivy* [Political System of the Republic of Kazakhstan: Experience and Development Prospects]. Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan. 2009. 296 p. (In Russ.)

Semenenko I.S. Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. – *Polis. Political Studies*. 2016. No. 4. P. 8-28 (In Russ.). DOI: http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03

Shnirel'man V.A. *Voiny pamyati, mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars, Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga. 2003. 603 p. (In Russ.)

Sieder R. *Multiculturalism in Latin America: Indigenous Rights, Diversity and Democracy*. L.: Palgrave Macmillan. 2002. 280 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1057/9781403937827

Stoiber M., Caselitz F., Heinelt M.-S. *How to Deal with Socio-ethnic Conflicts in Latin America? Analysing Conditions on Multiple Levels with fsQCA" Paper for the Panel "QCAs-in-the-making" at the Conference "QCA (Qualitative Comparative Analysis)*. Applications and Methodological Challenges", November, 22-23, 2013, at Goethe-University Frankfurt. 2013. 17 p.

Tilly Ch., Tarrow S. *Contentious Politics*. Paradigm Pub.: Boulder Co. 2007. 260 p.

Tishkov V.A. *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [Essays on Theory and Politics of Ethnicity in Russia]. Moscow: Russkij mir. 1997. 532 p. (In Russ.)

Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. *Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethic Political Science: Political Functions of Ethnicity]. Moscow: Moscow University Publishing House. 2011. 376 p. (In Russ.)

Vostrikov S.V. Karabakh Crisis and Russian Policy in the Caucasus. – *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1999. No. 3. P. 73-86. (In Russ.)